

В почетном учебном зале жил Цинь Хуайюань до того, как он женился. Библиотека здесь была очень ценной. Так как он соседствовал с задними садами, из каждого окна открывался красивый вид. Жить в нем было большой честью, и вот Цинь Инин готова была разделить такую драгоценную резиденцию со своими сестрами!

Цинь Хуайюань удовлетворенно улыбнулся. “Идея дочери Инин очень хорошая.”

Девочки обрадовались этому приглашению. Шестая мисс упрямо сжала губы. Может быть, Цинь Инин не такая уж и плохая?

Седьмая и восьмая мисс были в восторге, сначала поблагодарив Цинь Хуайюаня, а затем Цинь Инин. Восьмая мисс потянула Цинь Инин за руку. “Ура! У четвертой сестры самый красивый дом и большая библиотека! Я не хочу жить в пустом доме, я хочу жить с четвертой сестрой! У тебя же есть очень милый кролик, правда? Я хочу погладить его!”

Третья мадам захохотала. “Ах ты, девчонка. Не забегайте вперед!”

Восьмая мисс покраснела и застенчиво высунула язык.

Тем не менее, прямолинейность и открытость восьмой мисс очень нравились Цинь Инин. В ответ она потянула девочку за руку. “Ну разумеется! Если хочешь, мы все сестры можем жить вместе. Она улыбнулась шестой и седьмой мисс. “Шестая и седьмая сестры тоже могут выбрать, какой дом им понравится.”

“Большое спасибо! Весело ответила седьмая мисс.

Однако шестая мисс бросила быстрый взгляд на Цинь Инин и тихо пробормотала: “Четвертая сестра, вы не сказали, где должна остаться мисс Хуэйнин.”

Это было впервые, когда Цинь Инин услышала от шестой мисс спокойное обращение «четвертая сестра». До этого она могла только злобно огрызаться, изливая желчь и презрение в сторону Цинь Инин, подчиняясь Цинь Хуэйнин. Несмотря на ее неловкость, было забавно наблюдать, как она продолжает отстаивать интересы своей подруги.

В конце концов, она молодая девушка. У нее могут быть какие-то планы здесь и там, но в глубине души она вообще не злая. Однако Цинь Хуэйнин обладала на редкость черной и злобной душой и такого человека Цинь Инин простить не могла.

“Я понимаю шестую сестру. Но Мисс Хуэйнин - гостя, и в моей резиденции мало места. Со мной будут не только все сестры, но и наши слуги. Боюсь, у нас не останется для нее места.”

Шестая мисс плотно сжала губы. Она знала, что Цинь Хуэйнин создала куклу вуду старой вдовы, чтобы подставить их старшую тетю. Сначала она не могла понять, почему, но подозрения усилились после того, как Цинь Хуэйнин переехала в поместье. Родная мать шестой мисс (наложница) не раз упоминала, что приемная девочка не хорошая и только использует шестую мисс. К тому же, шестая мисс поняла, насколько спокойнее становится в поместье, когда здесь нет Цинь Хуэйнин. Даже ее официальная мать (официальная жена ее отца) стала относиться к ней более дружелюбно.

Она наблюдала какое-то время за поместьем и за всем, что здесь происходило и стала по-

новому относиться к этому, так называемому, грубому варвару. Шестая мисс стала понимать, что Цинь Инин не настолько плоха, как Цинь Хуэйнин описывала ее раньше.

Может, Цинь Инин ей и не очень нравилась, но она не ненавидела четвертую мисс. По крайней мере, она настоящая и действительно заботится о семье.

Все были удивлены нехарактерным для шестой мисс отсутствием аргументов. Вторая мадам была очень довольна. “Это замечательно. Вы, сестры, можете стать ближе друг к другу и обсуждать друг с другом разные вещи. Это на самом деле очень хорошо!”

Самым важным было то, что все будут в одном месте, в противоположность тому, что было раньше. Новые механизмы были бы намного проще с точки зрения защиты, и в случае чего можно было бы быстрее принимать надлежащие меры реагирования.

Цинь Инин кивнула, в то время как ее отец начал обсуждать с мужчинами условия проживания. Третий старший мастер, мадам, и наложницы переезжали в маленькие домики в задних садах сада благочестия.

Второй старший мастер, мадам и наложницы переезжали в восточное крыло и комнаты в передней части резиденции.

Четырнадцатилетний пятый мастер Цинь Дин поселится в западном крыле со своими тремя младшими кузенами.

Цинь Хань и Цинь Юй создали семьи, так что они будут жить со своими семьями в северо-восточном крыле.

Цинь Хуайюань и Ни Сунь заняли крайние комнаты к востоку от главной комнаты старой вдовы, а для Цао Юцин определили крайнюю западную комнату.

Все девочки должны были быть в почетном учебном зале, в небольшом отдалении. Благодаря такому расположению, все будут жить рядом друг с другом, но при этом мешать друг другу не будут.

Цинь Хуайюань на мгновение задумался и подозвал к себе Цинь Инин. “Теперь, когда семья вместе и мы открыли дверь для Цинь Хуэйнин, почему бы тебе не дать ей место в резиденции? Если бы я не сказал ее биологическому отцу, чтобы он приехал в город, он не был бы забит до смерти толпой беженцев.”

Цинь Инин была в шоке. “Ты хочешь сказать... что отец Цинь Хуэйнин умер?”

“Да”. Спокойно ответил Цинь Хуайюань. “Я послал людей найти его и заняться его трупом. Хотя он не был порядочным человеком и не испытывал никаких чувств к Цинь Хуэйнин, она бы не потеряла его, если бы не я. Я все еще чувствую некоторую вину по отношению к ней, и теперь, в эти опасные времена, она все-таки остается той, которая носила фамилию Цинь более десяти лет. Я не хочу бросать ее на произвол судьбы. Я знаю, что у нее нехорошая натура, и ты боишься, что она собьет остальных с пути, но она не сможет многого сделать, пока ты рядом. И если она снова ошибется, ты сможешь о ней позаботиться. Если нет, то всегда есть я.”

“Хорошо. Цинь Инин кивнула с улыбкой. “Если отец не будет убит горем, когда я накажу ее, я буду подчиняться твоим указаниям.”

Цинь Хуайюань расхохотался. “Что, ты легко ее отпустишь, если я не разрешу тебе ее

наказать?”

“Я не стану специально доставлять ей неприятности в наше беспокойное время. Я просто хочу, чтобы она вела себя хорошо и не делала ничего постыдного.”

Отец и дочь болтали и смеялись вместе. Эти двое были настолько похожими, что если бы Цинь Инин была одета в костюм мальчика, она выглядела бы как копия молодого ‘Мудрого Пана’. Эта сцена сильно отличалась от обычной сцены, когда отец отчитывал сына.

Ни Сунь со стороны с улыбкой смотрела на них. Вторая и третья мадам тоже восхищались этой парой. Когда отец и дочь вернулись, третья мадам широко улыбнулась. “И о чем вы, озорники, договорились на этот раз?”

Цинь Хуайюань слабо улыбнулся. “Я обсуждал вопрос о том, чтобы дочь Хуэй тоже жила в почетном учебном зале. В конце концов, дорогая Инин смягчила свое сердце и согласилась.”

Эти слова заставили всех взглянуть на Цинь Инин по-новому. Отцы обычно просто отдавали приказы, но Цинь Хуайюань принял решение только после обсуждения вопроса с Цинь Инин. Исходя из такого поведения было более чем очевидно, насколько он любил и уважал свою дочь.

Добавьте к этому методы, которые четвертая мисс продемонстрировала в качестве главы семьи, и ее политическую чувствительность, даже вторая и третья мадам смотрели на нее сейчас снизу вверх, не говоря уже о ее собственных сверстниках.

Семья разошлась со своими слугами, чтобы подготовиться к переезду, в то время как третий старший мастер поспешил во внешнюю резиденцию, чтобы уволить еще одну партию слуг.

В этот момент новый посыльный, маленькая служанка, рванулась назад.

“Милорд, милорд! Из дворца прибыл гонец. Император хочет видеть вас немедленно!”

Ведро ледяной воды было сброшено на относительно счастливую и беззаботную сцену. Такая простая фраза мгновенно сковала улыбки на всех лицах.

Старая вдова с тревогой схватила руку Цинь Хуайюаня. Мэн, что означает этот приказ императора?! Не уходи!”

Цинь Хуайюань успокаивающе похлопал мать по руке со вздохом. “Как я могу игнорировать имперский приказ?”

Он уже догадывался, что император призовет его, когда Сихуа будет потерян. Маркиз повернулся к Цинь Инин.

“Не волнуйся, отец, оставь дом нам. Возвращайся как можно скорее.”

“Хорошо. Цинь Хуайюань с удовлетворением улыбнулся и ушел. Женщины смотрели друг на друга не произнеся ни единого звука. У каждого в горле стоял ком.

Цинь Инин тоже была взволнована, но не могла этого показать. Она могла только организовать людей для переезда и лично возглавить патрули во внутренней резиденции. Она заперла неиспользуемые вещи на хранение, решила, какие кухни будут использоваться, и как слуги должны решать свои дела.

Пока четвертая мисс Цинь занималась этим, Цинь Хуайюань уже переоделся, чтобы отправиться во дворец. В императорском кабинете император злобно отчитывал своих подчиненных.

“Идиоты! Бесплезные идиоты! Куча никчемных отходов! Мы без конца кормим армия, чтобы она сдалась за пять минут. Какой смысл кормить таких идиотов?!”

Великий наставник Цао, Цинь Хуайюань, Вэйчи Янь и принц Нин стояли на коленях перед лицом такого имперского гнева. “Пожалуйста, подавите свой гнев, Ваше Величество.”

Евнухов нигде не было видно. Они прятались во дворе, смертельно боясь, что их сметет имперская ярость.

“Подавить свой гнев? Как мне подавить свой гнев, когда я окружен кучей бесполезных придурков?! Панг Чжиси - убудочная мразь! Он был прославлен в нашей стране, но как только покинул нашу страну, тут же напал на нас со своей армией! Какие это татары нападали на него! Он просто использовал это как предлог для разжигания вражды! Цинь Мэн!”

“Ваш слуга здесь.” Цинь Хуайюань поклонился в ответ.

“Так вы вели мирные переговоры в Сихуа?! Не могли бы вы сказать, что эти великие свиньи Чжоу просто хотели обманом выманить из нас серебра? Посмотри на это! Сихуа был взят, и наши объединенные армии с севера, востока и запада, тридцать тысяч человек побеждены десятью тысячами доблестных тигров! Это из-за того, что мои генералы не знают, как руководить людьми? Только ли люди по фамилии Панг знают, как вести войска? Это ты во всем виноват! Мирные переговоры были ошибкой, и теперь все это ошибка! Как ты смеешь стоять здесь на коленях!”

Чем больше император говорил, тем больше злился и носился кругами вокруг деревянного стола, накрытого позолоченной скатертью. Он подбежал к Цинь Хуайюаню и пнул маркиза ногой в плечо, отчего тот покотился по земле.

“Царственный отец!” Вэйчи Ян быстро помог маркизу подняться. “Не сердись, царственный отец! Великий Чжоу хитрый и скользкий. Когда мы вели с ними переговоры, маркиз уже говорил о возможных последствиях. Он подписал договор только после вашего согласия, королевский отец. Как можно валить все на него? Это Великий Чжоу нарушил свое слово, какое это имеет отношение к Маркизу Анпинскому? Вы не боитесь разбить сердца своих подданных вот так, отец?”

“Как ты смеешь! Богохульство! Хочешь прочесть мне лекцию?! Император пришел в ярость и отвесил звонкую пощечину.